

АНДРЕЙ А. ЗАЙНУЛЬДИНОВ

Barcelona

Эмоциональная оценочность русской и испанской лексики и фразеологии

Настоящая статья посвящена исследованию в сопоставительном плане прагматического аспекта семантики языковых единиц на материале русской и испанской эмоционально-оценочной лексики и фразеологии. Использование прагматических критериев в контрастивном анализе позволяет создать систему экспрессивных помет, которая может быть использована в практике лексикографического описания различных языков [Киселева 1978].

Сравнение двух языковых подсистем невозможно без уточнения ряда теоретических положений в рамках формирующейся теории экспрессивной и эмотивной аксиологии. Автор исходит из предположения, что эмоциональная оценочность может быть определена и описана на основе объективных лингвистических маркеров, через ее компоненты, доступные объективному анализу и компьютерной обработке данных; другими словами, возможно объективировать языковую интуицию исследователя, используя лингвистические критерии и лексикографическое описание. Критерием возникновения эмоциональной оценки на лексическом и фразеологическом уровнях для автора является значимость внутренней формы слова либо компонентов фразеологических единиц (семантическая мотивированность).

Выдвигается гипотеза, что эмоциональная оценка отражает эмотивный аспект мышления при реализации экспрессивной функции языка, обуславливающей эффект воздействия. Данное теоретическое положение позволяет уточнить местоположение категории эмоциональная оценочность и ее взаимоотношение со смежными категориями схемой: экспрессивность > эмоциональность > эмоциональная оценочность; следовательно, все эмоционально-оценочные единицы экспрессивны.

Хотя разграничение понятий экспрессивность, эмоциональность и эмоциональная оценочность в значительной степени конкретизирует термино-

логический аппарат, определение категорий эмоциональной оценочности и экспрессивности невозможно без обращения к проблеме образности слова.

Собственно образное значение слова является компонентом лексического значения, передающим сопутствующие представления. Данная трактовка восходит к русской филологической традиции (работам А.А. Потебни, Д.Н. Овсяннико-Куликовского и др.), а также концепциям В. Гумбольдта, Ш. Балли, рассматривающим понятие внутренней формы слова как ассоциативно-образный мотив при выделении психологической данности представления, вызывающего соответствующий образ на основе его языковой мотивированности: «внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [Потебня 1999, 125]. На особую роль аналогии и мотивации в языке указывали также ряд зарубежных исследователей [Lakoff 1987; Pastor 1996, 121].

Сущность семантической мотивированности заключается в уподоблении двух предметов по общему для них признаку, при этом признак называется опосредованно, через образ-символ, существующий в языковом сознании носителей данного языка как воплощение этого признака: метафорический перенос, ассоциативные характеристики.

Образность представляет собой семантический компонент, отражающий ассоциации (представления), связанные с определенным словом, а через него и с конкретным признаком, явлением, называемым данным словом. Специфика образности как средства создания экспрессивности обуславливает наличие коннотативных сем (в том числе эмоциональной оценочности), наслаивающихся на денотативное значение и разграничение функций предикации и идентификации, в связи с чем эмоционально-оценочная образность, определяющая предикацию, обладает повышенной силой воздействия.

Для автора является существенным замечание о том, что корни языковой образности лежат не в семантике, а в тезаурусе, в системе значений [Караулов 1985, 18; Black 1962], свойства, закрепленные за образным значением слова, могут быть предполагаемыми или переосмысленными. Возможность одновременного восприятия старого и нового понятия на основе закона ассоциации определяет смысловую двуплановость языковых единиц, в то же время чувственная наглядность признака обуславливает возникновение эмоциональной оценочности как частной разновидности экспрессивности: «образ будит эмоциональное переживание» [Телия 1986, 14].

Осознание важности мотивационного основания фразеологизмов-идиом определило необходимость исследовать самую образную структуру внутренней формы – ее метафорический, метонимический и т. п. характер, а также роль в ней различного рода символов или квазисимволов (например, квазисимвольное прочтение слова *рука* в идиомах, где этот компонент ассоциируется с идеей власти: *держат в руках, иметь руку*), а также эталонов или квазиэталонов (типа *дрожать над каждой копейкой, от горшка два вершка*)

[Телия 1996, 45; Wierzbicka 1996, 83]. Все вышеизложенное относится не только к фразеологической, но и к лексической образной семантике любого знака оценочности.

Данное положение близко к идеям «упаковки» знания в форме акциональных фреймов, что позволило ввести в описание понятие прототипа или гештальт-структуры [Караулов 1985; Wierzbicka 1996]. Под этими терминами подразумевается представление, т. е. некоторая более конкретная форма отражения, чем понятие (идеальное образование) – нечто вроде «картинки» с опущенными второстепенными деталями при сохранении существенных. Данная «картинка» представляет типовые признаки обозначаемых реалий, основанные на знании о свойствах реалий, входящих в данное множество, и соответствует в национальном языке «наивной» (в определении Ю.Д. Апресяна) картине мира носителей данной лингвокультурной общности.

Существует значительное число наблюдений, указывающих косвенно на оценочное значение компонентов фразеологических единиц (см. работы В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович, В.П. Фелициной, фразеологические словари): *«кровь с молоком – Белое лицо и румянец – красота, свидетельство хорошего здоровья, отсюда – положительная тональность выражения»* [Фелицина, Мокиенко 1990, 77]; *видеть (все) в розовом (радужном) свете – Розовый цвет ассоциировался с добрым здоровьем и благополучием, с благодушием и совершенством* [Бирих, Мокиенко, Степанова 2001, 519]; *темная лошадка – Широкая употребительность переносных значений прилагательного темный – «неизвестный», «неясный», «сомнительный»: темное дело, темная история, темное прошлое, темная личность* [Бирих, Мокиенко, Степанова 2001, 350].

Следовательно, возможно утверждать, что компонент семантики образность является субкомпонентом категории эмоциональная оценочность.

Исходя из позиции автора, на лексическом уровне компонентами эмоциональной оценочности являются:

– метафорическая образность: *ворона* – ‘пренебр. зевака, ротозей; о рассеянном, невнимательном человеке; первоначально: птица семейства воронковых’; *блеск* – ‘восх. о чём-н. очень хорошем, впечатляющем, красота; первоначально: яркий искрящийся свет, ответ’; *cabrón* – ‘palabra ofensiva para el hombre; persona indeseable’ [оскорбление для мужчины, нежелательный человек; первоначально: козел – здесь и далее перевод А.З.] [Carbonell 2000, 93], *maravilla* – ‘нечто чудесное, замечательное, бесподобное; первоначально: чудо’;

– интенсивность выражаемого признака: *великолепный* – ‘восх. очень хороший, превосходный’; *guay* – ‘bueno, excelente, bonito’ [замечательный, отличный] [Carbonell 2000, 352];

– звуковая образность: *тюха* – ‘пренебр. простофиля, фофан, пентюх’; *симпмончик* – ‘одобр./ласк. о человеке, приятном на вид, пухленьком, румяном’;

– словообразовательные аффиксы, обладающие собственным оценочным значением: *папочка* – ‘ласк. папа’, *книжонка* – ‘пренебр. книга’; *escribidor* – ‘mal escriptor’ [плохой писатель, писака] [Carbonell 2000, 292].

Маркерами, определяющими эмоциональную оценочность фразеологических единиц признаются:

– наличие образности метафорического характера: *пальчики оближешь, пень трухлявый, в самом соку; tener mucho ángel* [быть обаятельным, привлекательным], *jugar sucio* [грязная игра];

– неясная семантическая мотивированность, которая также может быть обусловлена экзотической звуковой формой компонентов: *нести ахинею, балбешка стоеросовая; comer raja y madera* [быть крайне невежественным, дремучим невеждой].

Эмоциональная оценочность представлена положительным и отрицательным спектром; среди видов положительной эмоциональной оценочности выделяются:

– дружелюбное отношение: лексические единицы типа *дружнице* – ‘друж. дружелюбное обращение к лицу мужского пола. *Дружнице, дай закурить!*’, *кореш* – ‘друж. дружелюбное обращение к лицу мужского пола в значении: близкий друг, приятель. *Кореш, помоги!*’; *amigo* – ‘tratamiento amistoso’ [дружелюбное обращение] [Carbonell 2000, 24], *tronco* – ‘compañero, amigo’ [друг, приятель] [Carbonell 2000, 728]; фразеологические единицы типа *закадычный друг* – ‘друж. близкий, душевный друг, приятель’; *тёртый калач* – ‘друж. старый, закадычный друг’; *amigo de asa* – ‘близкий, закадычный друг’ [DFER 1985, 39], [...] *de mis amores* – ‘милый, дорогой, любимый (в обращении)’ [DFER 1985, 39];

– ласковое отношение (разница по сравнению с дружелюбным отношением в характере эмоционального отношения и интенсивности): лексические единицы типа *лапушка* – ‘ласк. ласковое обращение (чаще к женщине)’; *мамочка* – ‘ласк. мама, мать. *Мамочка, как я рад тебя видеть!*’; *cielo* – ‘palabra cariñosa’ [ласково] [Carbonell 2000, 186]; *pequetín* – ‘niño palabra cariñosa’ [о ребенке ласково]; фразеологические единицы типа *ангел души моей* – ‘ласк. в обращении: милый (-ая); ласковое обращение к кому-либо’, *жизнь моя* – ‘ласк. в речевом этикете: формула ласкового, фамильярного обращения (обычно к любимой женщине)’; *mi dulce sueño* – ‘возлюбленный (-ая), предмет мечтаний, зазноба’ [DFER 1985, 639]; *mi tesoro* – ‘ласковое обращение к кому-либо’;

– одобрение: лексические единицы типа *железный* – ‘одобр. перен. сильный, крепкий. *Железное здоровье. Железный человек*’; *огурчик* – ‘одобр. о ком-л. здоровом, крепком, свежем на вид’; *molón* – ‘elegante; atractivo, bonito, guapo’ [элегантный; привлекательный, симпатичный] [Carbonell 2000, 475]; *chévere* – ‘bonito, bueno, estupendo, excelente’ [симпатичный, хороший, замечательный, отличный] [Carbonell 2000, 163]; фразеологические единицы типа *душа в душу* – ‘одобр. очень дружно, в полном согласии (жить)’; *человек*

железного здоровья – ‘одобр. о человеке с хорошим здоровьем’; *de miel(es)* – ‘ласковый, приветливый, любезный, приятный, сладостный’ [DFER 1985, 408]; *de oro y azul* – ‘нарядный, разодетый как картинка’ [DFER 1985, 464];

– восхищение (разница по сравнению с одобрением в высокой степени интенсивности): лексические единицы типа *замечательный* – ‘восх. исключительный по своим достоинствам, выдающийся. *Замечательный писатель. Замечательное достижение*’; *жемчужина* – ‘восх. перен. тот, кто (или то, что) выделяется своими достоинствами среди других, является лучшим украшением, сокровищем чего-л. *Жемчужина русской поэзии. Архитектурная жемчужина*’; *angel* – ‘замечательный, изумительный человек’; *jugón* – ‘игрочище’; фразеологические единицы типа *дороже золота* – ‘восх. о том, что чрезвычайно ценно, важно’; *не жизнь, а масленица* – ‘восх. о хорошей, привольной жизни’; *a (las mil) maravillas* – ‘чудесно, замечательно, бесподобно, превосходно’ [DFER 1985, 392]; *bajado (venido) del cielo* – ‘прекрасный, чудесный, отличный, безупречный’ [DFER 1985, 158].

Отрицательная эмоциональная оценка дробится на такие виды, как:

– неодобрение: *окрошка* – ‘неодобр. перен. беспорядочная смесь. *Окрошка из чужих мыслей*’; *нож в спину* – ‘неодобр. коварное предательство, предательский поступок по отношению к кому-либо’;

– крайнее неодобрение (разница по сравнению с неодобрением в интенсивности): *осёл* – ‘крайнее неодобр. перен. о тупом упрянце, глупце. *Этому ослу ничего не докажешь*’; *абракадабра* – ‘крайнее неодобр. бессмысленный, непонятный набор слов’;

– пренебрежение (наличествует позиция сверху вниз со стороны субъекта оценки): *пентюх* – ‘1. пренебр. неуклюжий человек, увальня. 2. пренебр. медленно соображающий, непонятливый человек’; *глухой как пень* – ‘пренебр. совершенно глухой’;

– презрение (разница по сравнению с пренебрежением в интенсивности): *баба* – ‘презр. перен. о робком слабохарактерном мужчине, мальчике.’; *Алёха сельский* – ‘презр. безнадежный дурак, глупый, невежественный человек’;

– уничижение (дополнительная к пренебрежению семантика умаления объекта оценивания): *мужичишка* – ‘пренебр. уничиж. мужчина’; *ничтожный* – ‘пренебр. уничиж. совершенно незначительный по роли, внутреннему содержанию; не внушающий к себе уважения, мелкий. *Ничтожная личность*’.

Автор предлагает новый тип классификации лексических и фразеологических единиц, основанный на отнесённости к ЛТГ (лексико-тематическим группам; автор не использует термин фразео-тематические группы, так как речь идет об отнесенности компонентов фразеологических единиц). При этом выявлено, что принадлежность первичных номинативных значений лексических единиц либо компонентов семантики фразеологических единиц к определённой ЛТГ обуславливает возникновение вторичной

эмоционально-оценочной семантики фразеологических единиц (в приведенных ниже примерах положительного спектра, испанская часть которых взята из [DFER 1985]):

– ЛТГ божественного, небесного: *не житьё – просто рай; рай земной; ангел во плоти, быть на седьмом небе; más pura que el ave del paraíso* – ‘одобр./восх. невинная, целомудренная, чистая как голубка (о девушке)’; *tener uno (mucho) ángel* – ‘быть обаятельным, привлекательным, обладать даром нравиться’; *como un serafín* – ‘просто ангел, ангелочек, как картинка (чаще о детях)’;

– ЛТГ драгоценного: *моё сокровище, на вес золота, золотая голова; oro molido* – ‘отличный, замечательный, изумительный’; *plata labrada* – ‘самое лучшее, отборное’; *valer un tesoro uno* – ‘быть настоящим сокровищем, не иметь цены’;

– ЛТГ блеска, света: *с блеском, во всём блеске, звезда первой величины, хватать звёзды с неба; bonito como una estrella* – ‘очень красивый, прелестный, очаровательный’; *brillante como una estrella* – ‘выдающийся, необыкновенный (о человеке)’; *de perlas* – ‘отлично, превосходно, очень кстати’;

– ЛТГ сладости: *не жизнь, а малина; сделать конфетку, медовый месяц, все в шоколаде; hacer de algo un caramelo* – ‘сделать что-либо хорошее, красивое, замечательное’; *azúcar y canela* – ‘1. очень вкусный, пальчики оближешь, объединение; 2. красotka, глаз не отвести, загляденье (о девушке)’; *como de mazarán* – ‘мягкий, ласковый, кроткий’; *más sabroso que la miel* – ‘сладостный, восхитительный’;

– ЛТГ волшебного: *как по мановению волшебного жезла, маг и волшебник, чудо из чудес, восьмое чудо света; hacer maravillas* – ‘достигать отличных результатов скромными средствами, делать чудеса’.

– ЛТГ знатного: *кум королю, с царём в голове, князь князем; a lo príncipe* – ‘роскошно, великолепно, на широкую ногу’; *tratarle a uno como una reina* – ‘баловать, лелеять, на руках носить кого-л.’; *estar hecho un rey; parecer un rey; vivir a lo rey* – ‘благоденствовать, жить по царски, как сыр в масле кататься’.

Определены сквозные семы «волшебного», «небесного», «блестящего», «сказочного», «сладкого» положительного спектра, обуславливающие возникновение оценочных квазистереотипов: *ангел/ángel, чудо/maravilla, волшебный/mágico, золото/oro, солнце/sol, звезда/estrella, рай/paraíso* и др.

Пейоративную эмотивную оценочность выражают ЛТГ фразеологических единиц со сквозными образными семами:

– чёрного, тёмного: *чёрная душа* – ‘презр. о человеке коварном, способном на низкие, предосудительные дела, поступки’; *чёрными красками, чёрное дело, чёрный день, тёмное дело; pasarlas negras* – ‘бедствовать, мыкаться’; *ponerse negra* – ‘дело принимает дурной оборот’; *verlo todo negro* – ‘видеть все в черном свете’;

– дьявольского: *ad кромешний* (также темнота), *Баба-Яга* – ‘презр. неодобр. о злой, сварливой и безобразной старой женщине’; *ad в душе*, *Дантов ад*, *кромешний ад на душе*, *исчадие ада*; *a la diabla* – ‘кое-как, небрежно, тля-ляп, шалай-валяй’; *diablo predicador* – ‘лицемер, ханжа, волк в овечьей шкуре’;

– деревянного: *бревно неотёсанное* – ‘пренебр. о тупом, сером человеке’; *голова еловая*, *бесструнная балалайка* – ‘пренебр. болтун, пустомеля’; *дубина безголовая* (*стоеросовая*, *еловая*), *дубовая голова* (*башка*), *пень березовый* (*стоеросовый*), *чурка с глазами*, *деревянное ботало*, *балбешка стое-росовая*, *дубина дубиной*, *чурбан чурбаном*, *пень пнём*, *глуп как пень*; *soto un madero*; *echo un madero* – ‘туп как пень, болван, дурак’; (в испанском языке в отличие от русского данная группа малочисленна, при подобной тематической отнесенности компонентов может выражаться и положительная оценочность: *no holgar la madera* – ‘работать не покладая рук’; *tener madera de* – ‘быть созданным для чего-либо’);

– соломенного: *соломенная душа* – ‘презр. трусливый, малодушный, ненадёжный человек’; *мякинное брюхо* – ‘презр. выражение резкого порицания кому-либо, осуждения кого-либо’; *голова мякиной набита*, *мякинная голова*, *толоконный лоб*, *толоконное брюхо*, *голова соломой набита*, *сено-солома*; *raja molida* – ‘хлам, макулатура (о книгах)’; *todo es raja* – ‘одна видимость, липа, показуха; ничего существенного, одна вода’;

– пустоты: *пустая башка* (*голова*), *голова дырявая* – ‘пренебр. шутил. и ирон. о человеке с плохой памятью, рассеянном в забывчивом’; *набитый дурак* – ‘презр. предельно глуп; тупица, олух’; *пустые звуки*, *пыльным мешком ударенный*, *пустое место*, *пустой кошелек*, *пустой карман*; *irse de vacío* – ‘уйти с пустыми руками, не солоно хлебавши’; *dar en vacío* – ‘не попасть в цель, потерпеть неудачу’; *agitarse en el vacío*, *caer en el vacío*;

– духоты: *дышать нечем* – ‘неодобр. о гнетущей, невыносимой жизни, обстановке’; *атмосфера сгущается* (в испанском языке эквиваленты отсутствуют);

– грязи: *из грязи да в князи* – ‘пренебр. о том, кто быстро и неожиданно для других разбогател, продвинулся по службе, сделал карьеру и т. п.’; *зара-сать грязью*, *марать бумагу* – ‘неодобр. писать/написать множество бездарных произведений’; *втоптать в грязь*, *закидать грязью*, *грязной (поганой) метлой*, *марать мундир*, *марать руки*, *марать рыло*, *немытое рыло*, *нечист на руку*; *jugar sucio* – ‘вести нечестную игру, мошенничать, жульничать’; *la mancha encima* – ‘свалить с больной головы на здоровую’; *no es mancha de juicio*.

Можно говорить об определенных оценочных квазистереотипах метафорического характера во фразеологических единицах (эквивалентах оценочных лексических единиц): значение «всё самое положительное» – единицы типа *ангел*, *блеск*, *волишебный*, значение «внутренней пустоты» – единица типа *пузырь*: *лопнет как мыльный пузырь*, *лезть в пузырь*, *дутый пузырь*,

надутый пузырь; значение «переменчивости» – единица типа *ветер*: *ветер в голове, ветренная голова, ветряная мельница, подбитый ветром, со сквозняком в голове; parar viento* – ‘бездельничать, ротозейничать, зевать, считать ворон, ловить мух’ [DFER 1885, 704]; *lleno de viento* – ‘пустой, бессодержательный; тщеславный, чванный’ [DFER 1885, 620] (в целом мелиоративная оценка более обобщена по семантике, а пейоративная в большей степени связана с конкретно-оценочными признаками).

Выявлена зависимость переосмысления первичной семантики на основе схемы: первичная номинативная семантика – переосмысленный признак – вторичное оценочное значение (*железный* – крепость – *железный характер; más duro que el acero, fuerte que el acero (como acero fundido)* – ‘1. одобр. твердый, прочный, крепкий как сталь, как железо, как кремль. 2. одобр. (о характере) стойкий, стальной, железный’).

Что касается выводов, посвященных тематической отнесенности лексической и фразеологической семантики в русском и испанском языках, в первую очередь отмечается параллелизм механизмов формирования эмоциональной оценочности при безусловном совпадении тех же самых или близких образов, квазисимволов и квазистереотипов, данная общность, вероятно, обусловлена не только принадлежностью русского и испанского языков к индоевропейской группе языков, но и общностью христианской традиции, а также универсальностью человеческого мышления.

В отношении лексикографического описания следует отметить отсутствие экспрессивных и оценочных помет в испанских толковых и фразеологических словарях, недостаточную четкость критериев и отсутствие единой системы экспрессивных оценочных помет в русских толковых и фразеологических словарях.

Специфика фразеологической семантики и сложность аксиологической дифференциации обуславливают определенную сложность лексикографической эмоционально-оценочной маркировки некоторых фразеологических единиц (особенно – в сравнении с лексическими) в связи с синкретичным характером оценочной семантики, в положительном регистре в таких случаях предлагается в качестве дополнительной использовать смешанную помету *одобр./восх.*, в отрицательном спектре – *пренебр./презр.* или *неодобр./пренебр.*

Данный прагматический анализ роли семантики ЛЕ и ФЕ в формировании эмотивно-оценочного значения не отражает всего многообразия речевого выражения человеческих эмоций, однако его результаты могут быть использованы в развитии концепций лингвокультурологии, в лексикографической практике, в преподавании русского языка как иностранного, а также при машинном описании фонда не только русской и испанской, но и другой индоевропейской лексики и фразеологии.

В настоящее время на основе выявленной типологии экспрессивных оценочных единиц и эмотивно-оценочных лексикографических помет авто-

ром статьи совместно с коллегами из Гранадского университета составляется *Эмоционально оценочный словарь русской лексики и фразеологии с испанскими эквивалентами*.

Литература

- Апресян Ю.Д., 1988, *Прагматическая информация для толкового словаря: Прагматика и проблема интенциональности*, Москва.
- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И., 2001, *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*, Санкт-Петербург.
- Караулов Ю.Н., 1985, *Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка*, Москва.
- Киселева Л.А., 1978, *Вопросы теории речевого воздействия*, Ленинград.
- Мелерович А.М., 1979, *Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка*, Ярославль.
- Мокиенко В.М., 1989, *Славянская фразеология*, Москва.
- Потебня А.А., 1999, *Полное собрание трудов: Мысль и язык*, Москва.
- Телия В.Н., 1986, *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*, Москва.
- Телия В.Н., 1996, *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*, Москва.
- Фелицина В.П., Мокиенко В.М., 1990, *Русские фразеологизмы*, Москва.
- Black M., 1962, *Models and Metaphors*. In: *Studies in Language and Philosophy*, New York.
- Carbonell D.C., 2000, *Gran diccionario del argot. El so ez*, Barcelona.
- DFER 1985: Levintova E., Wolf E., Movchovich N., Budnitskaya I., *Diccionario fraseológico español-ruso*, Moscú.
- Lakoff G., 1987, *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal About The Mind*, Chicago, London.
- Pastor G., 1996, *Manuel de fraseología española*, Madrid
- Wierzbicka A., 1996, *Русский язык: Язык. Культура. Познание*, Москва.

Emotional evaluation of Russian and Spanish vocabulary

Summary

The present work investigates the pragmatic aspect of meaning based on Russian and Spanish vocabulary and phraseology with positive and negative emotional evaluation. Such kind of investigation helps to resolve various problems with lexicographical marks and create a new improved system of expressive marks. The author proposed a hypothesis that the emotional evaluation can be defined with quite objective characteristics, which could be used in lexicographical and computational descriptions of languages. A word internal structure is a criterion, which let us refer some words to the emotional evaluative vocabulary. It is offered the new type of classification based on LTG (lexical-thematic groups). It has been found out that belonging of a word to the determinate LTG according to its primary nominative semantics defines the sign of emotional evaluation in its secondary evaluative meaning.